

УДК 323.271 (571) “192”
ББК 63.3 (2Р5) 71

Исаев Виктор Иванович

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, Новосибирский военный институт войск национальной гвардии РФ, г. Новосибирск, history49@mail.ru

**ДОЛГОЕ ЭХО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ВООРУЖЕННОЕ
СОПРОТИВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СИБИРИ
В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.**

На основе архивных документов и опубликованных в исследуемый период материалов рассмотрены причины и проявления вооруженного сопротивления советской власти в Сибири в начале 1920-х гг. Выявлены основные социальные группы, составлявшие основу вооруженных групп, продолжавших борьбу с советским государством. Показаны политические и социально-экономические условия, вынуждавшие значительную часть сибирского крестьянства поддерживать антисоветское подполье. Освещена борьба милиции, органов ВЧК-ГПУ, партийных и советских органов с политическим бандитизмом на территории Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, крестьянство, эсеры, антисоветское подполье, политический бандитизм, милиция, ВЧК-ГПУ.

Victor I. Isaev

doctor of historical sciences, professor; head of chair of history of Russia, chief researcher, Institute of history SB RAS, Novosibirsk military Institute of national guard troops of the Russian Federation, Novosibirsk, history49@mail.ru

**LONG ECHO OF CIVIL WAR: ARMED RESISTANCE OF THE SOVIET
POWER IN SIBERIA IN THE EARLY 1920S.**

On the basis of archival documents and published during the studied period of materials the reasons and manifestations of armed resistance of the Soviet power in Siberia in the early twenties are considered. The main social groups making a basis of the armed groups continuing fight against the Soviet state are revealed. The political and social and economic conditions forcing a considerable part of the Siberian peasantry to support an anti-Soviet underground are shown. Fight of militia, bodies of Cheka-GPU, party and Soviet bodies against political gangsterism in the territory of Siberia is lit.

Key words: Siberia, peasantry, Social Revolutionaries, anti-Soviet underground, political gangsterism, militia, Cheka-GPU.

Разгром колчаковского режима и установление советской власти в Сибири не привели к воцарению полного мира. В 1920–1922 гг. в Сибири происходили многочисленные вооруженные столкновения противников советской власти с сотрудниками правоохранительных органов и подразделениями Красной армии. По существу, продолжались последние сражения Гражданской войны, что серьезно осложняло процесс стабилизации советской власти, формирование нового правопорядка.

Борьба с противниками советской власти на территории Сибири после освобождения региона от белых в той или иной степени освещалась в исторической литературе. [См., например: 1, 2, 5, 12, 14, 18]. Однако в историографии Сибири до сих пор в полной степени не решена задача создания развернутой картины вооруженного сопротивления советской власти после освобождения региона от колчаковского режима. В статье мы на основе архивных и опубликованных источников рассмотрим некоторые причины и проявления вооруженного сопротивления советской власти на территории Сибири в начале 1920-х гг. В документах и в прессе рассматриваемого периода вооруженное сопротивление советской власти по вполне понятным соображениям обозначалось как политический бандитизм, поэтому в статье также будет использоваться и этот термин.

Социальной основой вооруженного сопротивления советской власти являлись различные слои и группы общества, связанные с прежним режимом или противопоставлявшие себя новой власти по социально-экономическим причинам. После разгрома войск Колчака в Сибири оставалось много белогвардейских офицеров, общая их численность по утверждению полномочного представителя ОГПУ по Сибири И. П. Павлуновского могла достигать до 40 тыс. чел. [16, С. 4]. Современные исследователи считают эту цифру несколько завышенной. Реальное число оставшихся на территории Сибири офицеров, как утверждает, например, известный исследователь В. И. Шишкин, было в несколько раз меньшим [19, С. 12].

Продолжая политическую борьбу с советской властью, остатки разгромленных белых войск переходили к совершению бандитских нападений на населенные пункты, на государственные и общественные организации. Таким образом, возникали многочисленные вооруженные группы, участников которых органы советской власти обвиняли в политическом бандитизме.

Кроме того, офицеры и другие бывшие военнослужащие белой армии постарались затеряться в городах, селах, станицах Сибири, проникая в ряды сельской интеллигенции и городских обывателей. Устроившись на работу в различные советские и хозяйственные учреждения, кооперативные и общественные организации, они нередко создавали подпольные группы, нацеленные на восстановление прежних порядков. Особенно много противников советской власти осело в Иркутской, Томской и Омской губерниях. По оценкам сибирских чекистов в Омской губернии насчитывалось до пяти тыс. помещиков, фабрикантов, белых офицеров; в Томской губернии до шести тыс. офицеров, карателей, контрразведчиков [8, 1921, 19 янв.].

Иркутск был последним пунктом, находившимся под контролем А. В. Колчака. Поэтому в губернии застряло большое количество буржуазии, чиновничества, торговцев и других антисоветских элементов, пытавшихся спастись от большевиков под крылом отступавшей армии Колчака. В городах и уездах губернии скрывались солдаты и офицеры подразделений белой армии, прошедших с боями через всю Сибирь и не сумевших прорваться дальше, на Север и Восток страны. И, наконец, в Иркутске вместе с Колчаком оказались министерства «верховного правителя» с несколькими сотнями сотрудников. Как констатировал иркутский журнал «Коммунист»: «Все эти элементы... притаились где кто мог., заполняя многие аппараты власти, причем должностями не гнушались: полковники и генералы становились дьяконами и псаломщиками; члены и председатели земств – секретарями волостных и сельских ревкомов; капитаны и поручики – конюхами и дворниками» [10, № 3, С. 25].

Серьезным противником советской власти с ее политикой продовольственной диктатуры и государственного регулирования рынка сельскохозяйственных продуктов оставались зажиточные (по большевистской терминологии «кулацкие») слои деревни и верхушка сибирского казачества. Они встретили ожесточенным сопротивлением введение продовольственной разверстки. Эти социальные группы не только уклонялись от выполнения продразверстки, но и продавали свой хлеб спекулянтам и мешочникам, приводили в негодность семенной материал, скармливали зерно скоту, перегоняли на самогон.

Следует подчеркнуть, что в 1920 г. при проведении разверстки в Сибири на многие виды продовольствия и сырье у крестьян изымались не только излишки, но даже и часть необходимого продукта. Отсутствие в связи с этим стимула к расширению хозяйства, многочисленные трудовые повинности вызывали недовольство не только у «кулаков», но и у середняков и даже у части бедноты. О разочаровании сибирского крестьянства после восстановления советской власти свидетельствует суждение, гулявшее по селам региона: «Ждали большевиков, а пришли коммунисты».

Пассивное сопротивление крестьян все чаще переходило в вооруженное. Организовывались налеты на продовольственные обозы, ссыпные пункты, склады, происходили убийства продработников и местных активистов. «Кулаки» получали поддержку всего крестьянства, все в большей степени проявлявшего недовольство продовольственной диктатурой. Колебания крестьянства усугублялись общей экономической разрухой, отсутствием промышленных товаров, упадком хозяйства. Так складывался слой недовольных в сибирской деревне, составлявших опору и поддержку политического бандитизма.

Правящая партия большевиков рассматривала эти настроения крестьян как серьезную угрозу. В связи с многочисленными крестьянскими выступлениями против советской власти в марте 1921 г. было принято парадоксальное решение X съезда партии; перед коммунистами была поставлена следующая задача: если где-либо стихийно вспыхнуло крестьянское восстание, то во избежание использования его потенциала реакционными элементами партии эсеров коммунисты должны попытаться взять руководство восстанием в свои руки [6, С. 27, 35].

Продолжению вооруженной борьбы на территории Сибири способствовало и то обстоятельство, что у действовавших и потенциальных противников советской власти имелись широкие возможности вооружаться. В Сибири после многолетних военных действий скопилось много разнообразного оружия и боеприпасов. Оружием обладали бывшие партизаны, большая часть коммунистов и комсомольцев, члены различных банд; практически любой пожелавший иметь оружие мог найти такую возможность. Запрета на ношение оружия не было. В начале 1920-х гг. отсутствовала даже его регистрация.

Идеологическое обеспечение, а иногда и роль организатора вооруженного сопротивления крестьянства принимали на себя уцелевшие представители партии правых эсеров. Разгромленные и деморализованные в ходе Гражданской войны эсеры сумели к середине 1920 г. восстановить некоторые губернские организации и руководящие центры в Сибири. По данным учета ВЧК в губерниях Сибири осенью 1921 г. находилось следующее количество правых эсеров: в Томской – 175, Алтайской – 127, Енисейской – 250, Иркутской – 500. Эсеры, оседавшие в губернских центрах, работали в органах, прямо или косвенно связанных с деревней, прежде всего, в кооперации, объявляя себя беспартийными. Ряд губсоюзков кооперации (Енисейский и Иркутский) возглавляли деятели, считавшиеся беспартийными, но известные в прошлом как активные эсеры и меньшевики. В Омском губсоюзе из 51 чел., работавших на должностях инструкторов, только четверо были членами РКП(б). В шести райотделениях кооперации не было ни одного коммуниста-инструктора, еще в четырех – только по одному. В Иркутской потребкооперации инструкторами местных органов работали семь эсеров, один меньшевик и один бывший офицер. В Енисейском губсоюзе среди инструкторов большинство составляли бывшие эсеры и меньшевики [6, С. 28, 32, 34].

В своей антибольшевистской агитации эсеры пытались опираться, прежде всего, на крестьянство. Как утверждали сибирские чекисты, для борьбы с советской властью эсерами в 1920 г. были организованы подпольные ячейки «Сибирского крестьянского союза». По сведениям органов ВЧК, только в сельской местности Алтайской губернии имелось до 400 ячеек «крестьянского союза», было создано несколько десятков волостных и более крупных объединений. В состав областного комитета «Сибирского крестьянского союза» входило девять эсеров, активно проводивших организационную работу в деревне. Так, член областного комитета Игнатьев побывал в 34-х селах Алтайской губернии, в которых организовал ячейки «крестьянского союза». Однако, как считают некоторые современные авторы, создание ячеек, как и деятельность их организаторов, находились под контролем чекистов, а в целом существование «Сибирского крестьянского союза» было широко задуманной провокацией чекистов с целью выявления и устранения антибольшевистских элементов [18, С.144–145].

Поскольку среди сибирского крестьянства советская форма организации власти в 1920 г. по-прежнему сохраняла популярность, эсеры продолжали пропагандировать ее в форме лозунга: «за советы без коммунистов». Этот лозунг стал основным в ходе крестьянских выступлений в Сибири в начале 1920-х гг.

После развертывания в Сибири в 1920 г. кампании по выполнению продразверстки активизировались противники советской власти, опиравшиеся на недовольство крестьянства. Летом 1920 г. крупные антисоветские вооруженные мятежи произошли в Алтайской, Семипалатинской, Томской и других губерниях. Самым значительным стало восстание в Славгородском уезде Омской губернии, охватившее затем значительную часть Алтайской, Семипалатинской и Павлодарской губерний. Руководители мятежа – Плотников, Шишкин и другие – широко использовали недовольство крестьян продразверсткой, проводили массовые мобилизации на основе эсеровских лозунгов, доведя численность так называемой «Народной повстанческой армии» до 10 тыс. чел. В руководстве восстанием объединились эсеры, белогвардейцы, колчаковские офицеры, «кулаки». Мятеж удалось подавить только совместными усилиями войсковых соединений, подразделений ВЧК, отрядов милиции, частей особого назначения (ЧОН), организованных в Сибири в 1920 г. в помощь органам ЧК и милиции из коммунистов и комсомольцев региона. В боях погибло до полутора тысяч повстанцев [11, № 3–4, С. 86–87].

5–6 июля 1920 г. вспыхнул Колыванский мятеж. Только в первые дни мятежа было замучено и убито 150 коммунистов. На подавление восстания власти направили крупные воинские силы, в том числе сводный отряд милиции и красноармейцев (около 150 чел.) из Новониколаевска, конный отряд милиции из Каргатского уезда. Расправлялись с мятежниками жестоко. Все захваченные с оружием в руках расстреливались на месте. Кроме того, по постановлению органов ВЧК было расстреляно более 150 предпринимателей, торговцев, белогвардейцев, эсеров. Более тысячи участников мятежа были осуждены революционным трибуналом. После разгрома основных сил мятежников отдельные группы по пять–десять человек, организовавшись как банды, еще долго действовали на территории губернии [8, 1920, 14, 16 июля].

Летом 1920 г. происходили восстания и в других районах Сибири. Одним из крупных стало антисоветское восстание в Бухтарминском районе на Алтае. Офицер Козлов и его однофамилец – атаман Козлов, а также волостной старшина Мамонтов сумели привлечь в ряды восставших более 1,5 тыс. чел. [12, С. 229–234]. Повстанцы в первую очередь убивали коммунистов, советских и продовольственных работников, сельских активистов, заставляли население прекращать сдачу продуктов по продразверстке, не выполнять другие государственные повинности, насильно мобилизовывали в свои ряды крестьян. Ответные меры со стороны сторонников советской власти были не менее жестокими. Так, во время подавления крестьянского восстания в Славгородском уезде конный отряд под командованием начальника уездной милиции численностью 97 чел. уничтожил более 200 повстанцев [5, С. 65–67].

После подавления мятежей наиболее непримиримые противники советской власти уходили в леса и горные районы. Таким образом, во многих районах Сибири во второй половине 1920 г. действовали сравнительно небольшие банды в 10–15 чел., по разным оценкам их общая численность могла достигать 300 чел. [2, С. 74–79].

В начале 1920-х гг. основой руководства и наиболее активного слоя вооруженного сопротивления являлись белые офицеры. Так, в отряде полковника Олиферова, действовавшем в Томской губернии, активное ядро составляли около 600 колчаковских офицеров и казаков. В той же губернии отряд подпрапорщика и бывшего карателя Базаркина, орудовавший в районе Прокопьевска – Киселева, состоял почти исключительно из унтер-офицеров. По сообщению Полномочного представителя ВЧК по Сибири И. П. Павлуновского все 20 главарей крупных банд, захваченных и убитых в 1921 г. на территории Сибири, оказались белогвардейскими офицерами, среди них были полковники, штабс-капитаны, поручики [13, С. 79].

Начиная с весны 1921 г. мелкие банды стали объединяться, возникали крупные формирования, имевшие войсковую организацию. Например, группа Донского, образовавшаяся в 1920 г. в основном из дезертиров, превратилась к лету 1921 г. в опасную банду численностью до 300 бойцов. Численность бандформирования бывшего полицейского урядника, подпоручика Чернова достигла 200 чел. В июне 1921 г. появились группировки полковника Анохина, поручиков Петрова, Щербакова, Шелопугина, прапорщиков Зверева, Романенко, офицеров Стужина, Волкова, Монакова, эсера Сенотрусова. Общая численность бандформирований возросла до двух тыс. чел. [3, Ф.П-302, Оп.1, Д. 369, Л. 81].

Главарь бандформирований пытались создавать сводные отряды и полки. Так, банды Донского и Чернова объединились в повстанческий отряд, действия которого координировал штаб во главе с Черновым. Бандформирование поручика Монакова именовалось пятым повстанческим полком «Народно-революционной армии», было разделено на батальоны и роты [3, Ф.П-1, Оп.6, Д.16, Л. 55 -57].

На территории Енисейской губернии в конце лета 1921 г. оперировали бандформирования, возглавлявшиеся бывшими белыми офицерами: полковником Ткачевым, подполковником Медельским, казачьим унтер-офицером Соловьевым, поручиком Ерофеевым. Одной из крупнейших являлась банда Соловьева, насчитывавшая 650 чел., разделенная на роты и взводы, пулеметную и разведывательную команды [13, С. 59].

В Томской губернии крупными бандами стали формирования под командованием бывшего партизана, анархиста Новоселова (численностью более 200 чел.), действовавшая в Кузнецком уезде банда анархиста Табашникова (она сложилась из бывших мамонтовских партизан), прапорщика Бокитько (50 чел.), подпрапорщика Базаркина (150 чел.) [7, № 4, С. 62–63].

В Алтайской губернии в июле 1921 г. действовало около пяти банд общей численностью около тысячи человек. Вторжение на эту территорию отряда Кайгородова из-за границы привело к появлению новых вооруженных групп. Произошло объединение повстанцев в первый партизанский полк «Народной революционной армии» под единым командованием штабс-капитана Тырышкина, подчинявшегося в свою очередь Кайгородову. Первоначальные успехи Кайгородова способствовали пополнению его подразделений добровольцами из местного населения. По сведениям сибирских чекистов в сентябре 1921 г. на территории

Алтайской губернии действовало 11 бандформирований с общей численностью до 3,3 тыс. чел. Особенно крупными являлись банды Шпанакова – 800 чел., Тырышкина – 600 чел., есаула Кукургашева – 600 чел.

Разгром вторгшихся из-за границы в Сибирь в 1921 г. белогвардейских отрядов барона Унгерна, полковника Казагранди и других заметно подорвал основу антисоветского движения. В результате опережающих действий были сорваны попытки наступления отрядов полковника Казагранди на иркутском направлении; атамана Казанцева – на Красноярск; Шишкина – на Минусинск; Кайгородова – на Алтай; Бакича и Анненкова – на Семипалатинск и Омск. Ни одного губернского или уездного центра эти отряды не смогли захватить, после ожесточенных боев они были разбиты и отброшены. Только в Алтайской губернии борьба с вооруженной группировкой Кайгородова и остатками его отрядов затянулась до марта 1922 г. [1, С. 250–254].

На Алтае к ноябрю 1921 г. оставалось только четыре банды с численностью до 600 членов. Однако тяжесть введенного теперь уже и в Сибири продналога, насильственные методы его сбора вновь обострили сопротивление крестьянства и расширили поддержку бандитизма. К концу декабря 1921 г. число банд возросло до 12, а число участников до трех тыс. чел. Появились новые бандформирования: например, под руководством крестьянина Колеснова (в составе 300 чел.), крестьянина Штанакова, насчитывавшая около тысячи чел. [3, Ф.П-1, Оп. 6, Д.16, Л. 65].

Сотрудники ВЧК и милиции развернули активную работу по предотвращению восстаний и по пресечению пополнения старых и образования новых банд. В течение 1921 г. были предприняты энергичные меры по ликвидации правозэсеровских и белогвардейских организаций. По утверждению полномочного представителя ВЧК по Сибири И. П. Павлуновского, в феврале 1921 г. были ликвидированы крупные организации «Сибирского крестьянского союза» в Западной Сибири. Органы ВЧК и милиции в Красноярске, Иркутске и других городах Сибири обезвредили выявленные белогвардейские организации. [7, № 3, С. 63; № 4, С. 64–65].

В ликвидации повстанческого подполья, предотвращении восстаний главная работа ложилась на чекистов, но и органы милиции также играли немаловажную роль. Так, в отчете милиции Славгородского уезда за 1920 г. сообщалось о ликвидации контрреволюционного заговора в селе Верх-Урюмское Ленинской волости силами местных милиционеров. После ареста организаторов заговора и митинга по этому поводу жители села добровольно сдали 97 винтовок и другое оружие. В ноябре 1920 г. в ряде казачьих станиц, расположенных по реке Иртыш, готовилось антисоветское выступление. Благодаря активным действиям милиции удалось раскрыть заговоры в станицах Черлан, Агаир и других. Арестовано было 27 чел. Уголовное дело в отношении их было передано в органы ВЧК [3, Ф.П-1, Оп. 6, Д. 16, Л.14 – 23].

Зимой 1921 г. чрезвычайная обстановка сложилась на территории Тюменской, Курганской и Омской губерний. Мятеж, вспыхнувший в начале февраля 1921 г.,

принял широкий размах, по разным данным в нем участвовало до 100 тыс. чел. Ликвидация этого мятежа, отличившегося упорством и жестокостью в избивании коммунистов, затянулась до 1922 г. и потребовала сосредоточения значительных военных формирований. В районах Западно-Сибирского восстания было убито около пяти тыс. коммунистов и советских работников. Но еще больше потерь было со стороны восставших. Только на территории Тюменского округа погибло до 20 тыс. крестьян [1, С. 241–245; 2, С. 83–86].

Таким образом, насильственные методы сбора продналога, по существу, продолжение политики продразверстки в Сибири и во второй половине 1921 г. вызвали острое недовольство сибирского крестьянства, породили новые массовые выступления и приток крестьян в вооруженные группировки. Число различных банд к концу 1921 г. достигало 250. [3, Ф. П-2, Оп. 2, Д. 20, Л. 3 – 8].

В начале 1922 г. произошла новая вспышка вооруженного сопротивления советской власти. Вновь активизировали свои действия банды Кайгородова на Алтае, Соловьева – в Ачинском, Донского – в Балаганском уездах Енисейской губернии. В Красноярском уезде оперировала банда Соломатова, выступавшая под лозунгом созыва Учредительного собрания, зверски убивавшая коммунистов и грабившая крестьян. В Иркутской губернии появились новые бандформирования во главе с Прокопьевым, Шапошниковым, Черных и другими предводителями.

Во многих районах Сибири в 1922 г. сбор продналога, оказавшегося по сравнению с продразверсткой не менее тяжелым, вызвал сопротивление крестьян, которые наивно надеялись на снижение налога под давлением действий бандформирований. Так, в Змеиногорском уезде в селах Локоть, Лаптев Лог, Кугвильное банда Сальникова, насчитывавшая свыше 200 чел., своими действиями практически сорвала сбор продналога. Только после разгрома банды и гибели Сальникова ситуация со сбором продналога стала иной, крестьяне поняли бессмысленность сопротивления, стали выполнять распоряжения советских органов [3, Ф. П-1, Оп. 2, Д. 361, Л.77; Оп. 3. Д. 41, Л. 83].

Сибирские органы власти стремились в короткие сроки и чрезвычайными средствами разбить и окончательно ликвидировать политический бандитизм. За период с 16 марта по 21 ноября 1922 г. Сиббюро ЦК РКП(б) 40 раз обсуждало вопросы борьбы с бандитизмом, а в период с 21 ноября 1922 г. по 1 марта 1923 г. еще восемь раз. В 1922 г. ВЦИК и СНК РСФСР неоднократно вводили военное и чрезвычайное положение в уездах Сибири. В феврале 1922 г. военное положение введено в Барнаульском уезде, в мае 1922 г. – в Новониколаевском уезде. Это позволяло применять внесудебные карательные меры, включая расстрел на месте членов бандформирований; осуществлять немедленное приведение в исполнение приговоров о смертной казни участникам банд, вынесенных революционными трибуналами [3, Ф. П-1, Оп. 2, Д. 378, Л. 116; Д.126. Л. 7 -20; Оп. 3. Д. 39. Л. 38; 4, Ф.1697, Оп. 3, Д. 40, Л. 69 – 72].

В разгром политического бандитизма неоценимый вклад внесли органы милиции Сибири. Именно милиционеры принимали на себя всю тяжесть первоначальных нападений бандитов, героически оказывая им сопротивление до полу-

чения подкрепления. Часто соотношение в силах сторон оказывалось не в пользу милиции, что приводило к большим потерям. Так, по неполным данным, органы милиции только за 1921 г. потеряли убитыми 365 сотрудников [3, Ф. Р-19, Оп. 1, Д. 20, Л. 80].

В то же время коренным образом переломить ситуацию в сторону ликвидации бандитизма органы милиции не смогли. Среди факторов, снижавших эффективность действий милиции, следует, прежде всего, назвать ее недостаточную численность. В большинстве подразделений милиции наблюдался недокомплект сотрудников. Кроме того, имевшийся уровень подготовки кадров милиции не соответствовал сложности возникавших задач.

В этих условиях население зачастую не проявляло достаточного доверия к милиции. Правоохранительным органам иногда приходилось сталкиваться с тем, что крестьяне отказывались выдавать милиции пособников и участников банд, не хотели давать обвинительных показаний против арестованных бандитов. Причины такого поведения заключались в утвердившемся в селах мнении, что милиция не может ничего сделать в борьбе с бандитизмом, арестованные бандиты возвратятся в село и жестоко отомстят. В крестьянской среде гуляли слухи, что милиция не может справиться с бандитизмом или же не хочет всерьез бороться с ним.

Некоторые основания для подобных разговоров были. Наблюдались многочисленные побеги арестованных бандитов из-под стражи. Милиция еще не могла обеспечить для следствия необходимую доказательную базу, поэтому надзиравшим за дознанием народным следователям зачастую приходилось освобождать опасных преступников. Возвратившиеся в села бандиты расправлялись с выдавшими их крестьянами.

Органы уголовного розыска также еще не имели необходимого опыта для борьбы с бандитизмом, полностью отсутствовал учет рецидивистов и прочих криминальных элементов в деревне, явно недостаточным был он и в городе. Вследствие этого, работа по изъятию уголовного элемента наряду с милицией проводилась органами ГПУ, в сельские районы высылались специальные чекистские группы для проведения оперативных мероприятий, которые действовали в сотрудничестве с милицией [3, Ф. Р-20, Оп. 2, Д. 47, Л. 22 – 23; 17, 20–27 ноября].

Некоторые из банд действовали в течение нескольких лет, серьезно мешая укреплению советской власти на местах. Например, в Заларинском районе Иркутской губернии оперировала с 1920 по 1925 г. банда Замашикова, состоявшая из местных крестьян, прекрасно знавших все тропы в глухой тайге. Поэтому найти и ликвидировать эту преступную группировку было чрезвычайно трудно. Бандиты пользовались широкой поддержкой зажиточного крестьянства, снабжавшего их продовольствием и своевременно предупреждавших о продвижении воинских или милицейских подразделений. Местных крестьян, их имущество члены банды почти не трогали, не желая обострять с ними отношения. Более того, Замашиков раздавал товары, награбленные в кооперативах, помогавшим

ему крестьянам, создавая значительную прослойку пособников. Бандиты убивали коммунистов, комсомольцев и советских работников, применяя страшные пытки. Деятельность этой контрреволюционной группировки терроризировала весь район. Советские работники не могли ездить по селам, опасаясь нападения. Работа советских учреждений, партячек замерла, в некоторых селах ячейки перестали существовать из-за бегства партийцев. В такой обстановке кулаки чувствовали себя хозяевами положения, запугивая остальное население приходом банды Замашикова [9, С. 3–4; 15, 2 июля].

Только в декабре 1925 г. совместный отряд ОГПУ и милиции обнаружил схрон Замашикова в тайге. В ходе завязавшейся перестрелки погибли сам главарь банды и четверо его сообщников. После ликвидации банды чекисты выявили значительное число ее активных пособников и связников. Часть из них была расстреляна, другие высланы в Нарымский край [3, Ф. Р-20, Оп. 2, Д. 47, Л. 2].

Следует подчеркнуть, что с руководителями бандформирований чекисты и милиционеры поступали беспощадно. Так, например, в 1921 г. было ликвидировано 53 главаря банд, из них 33 (в том числе 20 белогвардейских офицеров) были убиты в бою, захвачены в плен и приговорены к расстрелу 13 чел. (из них 10 офицеров) [3, Ф. П-1, Оп. 6, Д. 16, Л. 79 – 80].

Ожесточенная борьба с политическим бандитизмом постепенно привела к существенному сокращению его масштабов в Сибири. Если в первой половине 1922 г. численность бандформирований оценивалась чекистами от двух с половиной до четырех тысяч человек, то к концу года она снизилась до 300 человек [3, Ф. П-1, Оп. 2, Д. 367, Л. 112 – 123; Ф. Р-302, Оп. 1, Д. 675, Л. 25 – 29; 80 – 82]. В уцелевших бандах оставались в основном бывшие военнослужащие белой армии, а крестьяне покидали банды и возвращались домой. Вместе с тем окончательная ликвидация политического бандитизма затянулась на долгое время, по существу, в той или иной форме он сохранялся в Сибири на протяжении всех 1920-х гг. [14, С. 58; 2, С. 74–79].

Можно сделать вывод, что к середине 1920-х гг. вооруженное сопротивление советской власти в форме политического бандитизма было в основном подавлено. Возникшие во второй половине 1920-х гг. новые банды носили преимущественно уголовный характер. Осознание крестьянством бесперспективности сопротивления советской власти, введение НЭПа, положительно воспринятое крестьянами, почувствовавшими возможности укрепления и развития собственного хозяйства, а также аресты многих пособников банд, получивших жесткие приговоры, приводили к смене настроений населения. От враждебности или нейтралитета по отношению к советской власти крестьянство переходило к поддержке правоохранительных органов в борьбе с бандитизмом.

Таким образом, опубликованные источники и архивные документы свидетельствуют, что вооруженная борьба на территории Сибири продолжалась и после разгрома колчаковских войск. В начале 1920-х гг. в Сибири сложилась совокупность различных факторов: социальных, экономических, идеологических, которые обусловили обострение обстановки в регионе, появление многочислен-

ных очагов вооруженного сопротивления советской власти. Для подавления этого сопротивления потребовались героические усилия органов ВЧК-ГПУ, милиции, партийных и советских органов, коммунистов и комсомольцев, организованных в отряды ЧОН, с привлечением в случае массовых восстаний и регулярных частей Красной армии. Можно сказать, что в Сибири эхо Гражданской войны оказалось очень долгим и слышалось еще на протяжении нескольких лет после ее формального окончания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абраменко Н. А. Боевые действия коммунистических отрядов – частей особого назначения в Западной Сибири (1920–1923 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Вып. 4, Томск, 1965.
2. Боженко Л. И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в Сибирской деревне. Томск, 1969.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО).
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК).
5. Гуцин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в Сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987. 214 с.
6. Добровольский А. В. Эсеры и меньшевики в условиях перехода к НЭПу. Новосибирск, 1995.
7. Земля Сибирь. 1992.
8. Знамя революции. (Томск). 1920, 1921.
9. Итоги обследования Заларинского района Заланского уезда Иркутской губернии. Новосибирск, 1925.
10. Коммунист (Иркутск). 1923.
11. Красная Армия Сибири. 1923.
12. Николаев П. Ф. Советская милиция Сибири (1917–1922). Омск. 1967.
13. Павлуновский И. Обзор бандитского движения по Сибири с декабря 1920 г. по январь 1922 г. Новониколаевск, 1922.
14. Северьянова Г. М. Крестьянские восстания в Сибири. (Осень 1920–1924 гг.). Красноярск. 1995.
15. Сибирский гудок. 1924.
16. Сибревком. (Сборник документов). Новосибирск, 1959.
17. Советская Сибирь. 1924.
18. Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра». ВЧК_ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007.
19. Шишкин В. И. Советская карательная политика в Сибири в начале 1920-х гг. // Права человека в России: прошлое и настоящее. Сб. докл. научно-практ. конф. Пермь, 1999. С. 10–21.